

АНТРОПОЛОГИЯ В ПОЛИТИКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

Коряковцев А.А.

*канд. филос. наук, доцент кафедры
Социологии, культурологии и философии УрГПУ,
г. Екатеринбург, Россия
akoryakovtsev@yandex.ru*

Колташов В. Г.,

*директор Института нового общества,
г. Москва, Россия*

ANTHROPOLOGY IN POLITICS FROM THE POINT OF VIEW OF SOCIALISM

Koryakovtsev A

*Cand. Philosophy Sciences, Associate Professor
Sociology, cultural studies and philosophy USPU,
Yekaterinburg, Russia
akoryakovtsev@yandex.ru*

Koltashov V.

*Director of the Institute for a New Society,
Moscow, Russia*

Аннотация

Статья посвящена осмыслению социально-политического значения таких явлений, как феминизм, маскулизм (мачизм), агрессивная гомофобия (сексизм) и ЛГБТ, взятых в связи с социалистической идеологией. Авторы рассматривают их общие и особенные черты. Они приходят к выводу, что, несмотря на разницу между первыми четырьмя явлениями, имеются основания объединить их в одно семейство и рассматривать их как целостный феномен. Все эти явления используют политическую риторику. Но при этом они политизируют антропологические, неполитизируемые, по

сути, феномены, то есть, такие, чьи собственные логика и цели отличны от политических: половая идентичность, сексуальные предпочтения, семейные отношения. Осмысляя общественную роль данных политико-антропологических явлений, авторы подчеркивают их противоречивый характер и отрицают их связь с социалистической идеологией. Противостояние социализму этих феноменов проявляется в разном объяснении причин социального и гендерного неравенства на социальном и бытовом уровне и, следовательно, в разной социальной стратегии. Вместо традиционной социалистической классовой консолидации («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), эти движения предлагают размежевание по гендерным признакам и по сексуальным предпочтениям. Исторически политико-антропологическим движениям предшествовала сексуальная революция 60-х гг., но рост их влияния увязывается авторами с неолиберальной политикой держав капиталистического центра 70-х – 80-х гг., которая была направлена на раскол рабочего и гражданского сопротивления свертыванию «социального государства». В связи с этим в статье отмечается утрата культурного влияния западных стран в странах капиталистической периферии. Тем не менее, авторы отмечают полезность общественной дискуссии по проблемам, впервые поставленными представителями этих движений.

Annotation

The article is devoted to the understanding of the socio-political significance of such phenomena as feminism, masculism (machism), aggressive homophobia (sexism) and LGBT people in their connection with socialist ideology. The authors consider their common and special features. They come to the conclusion that, despite the difference between the first four phenomena, there are reasons to unite them into one family and consider them as a holistic phenomenon. All of these phenomena using political rhetoric. But at the same time they politicize anthropological, non-politicized, in fact, phenomena, that is, those

whose own logic and goals are different from political ones: sexual identity, sexual preferences, family relations. Interpreting the social role of these political and anthropological phenomena, the authors emphasize their contradictory nature and deny their connection with the socialist ideology. The opposition to socialism of these phenomena is manifested in different explanations of the causes of social and gender inequality at the social and domestic level and, consequently, in different social strategies. Instead of the traditional socialist class consolidation ("Proletarians of all countries, unite!"), these movements offer a distinction based on gender and sexual preferences. Historically, political and anthropological movements were preceded by the sexual revolution of the 60s, but the growth of their influence is linked by the authors with the neoliberal policy of the capitalist center powers of the 70s-80s, which was aimed at splitting the working and civil resistance to the collapse of the «social state». In this regard, the article notes the loss of cultural influence of Western countries in the countries of the capitalist periphery. Nevertheless, the authors note the usefulness of the public discussion on the problems posed by the representatives of these movements for the first time.

Ключевые слова: антропология, социализм, разделение труда, феминизм, гомофобия, ЛГБТ, маскулизм.

Key words: anthropology, socialism, division of labor, feminism, homophobia, LGBT, masculism.

Среди множества «несистемных» политических движений, существующих в современной России, эти выделяются из общего ряда идейной оригинальностью. А именно тем, что они, кроме привычной политической риторики, используют риторику *антропологическую*, точнее – *гендерную*, представляя половой вопрос или вопрос сексуальных предпочтений как социальный, как имеющий общественный интерес, а социальный – сводя к половому вопросу по преимуществу. Речь идет о феминизме, маскулизме (мачизме), агрессивной гомофобии (сексизме) и ЛГБТ. Они слабо оформлены организационно (либо не оформлены вовсе) и

проявляют себя по большей части либо как бытовые настроения, либо как идейные движения внутри других, более организованных, движений, либо примыкают к ним. Однако все они могут быть связаны с протестными настроениями (хотя бы в том максимально широком смысле, что все они выражают недовольство существующим порядком в определенном секторе общественных отношений), пусть даже эти настроения выражаются в рамках разных идеологий, в том числе и охранительных. Феминизм часто связывают с либеральным и левым дискурсом, гомофобию (сексизм) – с дискурсом консервативным, ЛГБТ – с либеральным, маскулизм (мачизм) – с консервативным и либеральным. Мы обсудим их протестный потенциал и идейную связь с другой протестной идеологией – с *социализмом*.

Но прежде сравним между собой их методологию и содержание.

На первый взгляд, между ними нет ничего общего, и они противостоят друг другу. Сторонники маскулизма утверждают, что в России царствует *матриархат*, мужской пол по этой причине они считают страдательным полом. Сторонники и сторонницы феминизма выдвигают тезис, что в России – наоборот, имеет место *патриархат*, и что именно это обстоятельство является источником женских проблем. Приверженцы ЛГБТ полагают устаревшей самую данную оппозицию полов, выделяя так называемые «сексуальные меньшинства» и защищая их права. Гомофобы выражают недовольство проникновением темы сексуальных меньшинств в СМИ и в другие сферы общественной жизни, видя в этом угрозу традиционным семейным отношениям. Одним словом, все эти направления фиксируют факт неравенства и дисфункции в сфере гендерных отношений, но расходятся в предпочтении защищаемого объекта.

Однако это разница не исчерпывает их содержание. Более того: эта разница между ними поверхностна. Объединяют их гораздо более существенные моменты. Они настолько существенны, что рассмотрение этих направлений порознь искажает их понимание и оценку. Например, если мы

будем критически рассматривать только феминизм, то справедливо будет обвинить нас в сексизме и апологии маскулизма, равно как и наоборот. Чтобы избежать подобной односторонности, необходимо абстрагироваться от их вражды друг к другу и осмыслить их как единое политическое семейство, вместе с их враждебными парами, обращая внимание именно на их *общие* черты.

Во-первых, все они используют антропологическую риторику, и может показаться, что они следуют вслед за Л. Фейербахом, который первым в европейской рационалистической традиции решительно начал соединять антропологические понятия (возраст, половые отношения, смерть, рождение и т.д.) не с религиозной, а с социальной проблематикой [Коряковцев, Любутин : 134-157].²

Однако, между ними и «последним немецким классиком» есть существенная разница. В отличие от него, они *политизируют неполитизируемое*, то есть, то, что нельзя подчинить политическим целям, не извращая его собственные цели и логику – *антропологическое содержание*. Например, сторонники легализации однополых браков превращают романтические отношения геев в буржуазный брак, отравляя эти отношения возможностью «трезвого расчета» в меркантильном духе. Феминизм и маскулизм, рассматривающие гендерные отношения как соперничество полов и подменяя борьбу за человеческую эмансипацию гендерной идентичностью, забывают, что (как считал тот же Л. Фейербах) мужская и женская идентичность возможны только в связи друг с другом, а не по отдельности, что пол есть чувственность, понятая как *отношение* между разными полами, а не как изолированная самоидентификация индивида.

Превращение брака в нечто, имеющее отношение не только к мужчинам и женщинам, выглядит как атака на модернизированные в XX

² См. об этом: А. Коряковцев, К. Любутин. Диалектика Л. Фейербаха. Екатеринбург: УрО РАН. 2010. С. 134-157.

веке буржуазные семейные отношения. Она выдается за их дальнейшее развитие и гуманизацию. Однако это иллюзия: современный буржуазный брак остается буржуазным не в силу гетерогенности как таковой, а потому, что продолжает базироваться на имущественных отношениях, используя право на добровольное соединение мужчины и женщины как средство подчинения их экономическим задачам и важным для капитализма программам, включая супругов в погоню за материальным достатком любой ценой. По сути буржуазный «компонент» в законных отношениях полов зачастую берет верх, превратив все остальные отношения во второстепенные. Это является основной причиной разлада в семьях. Данная реформа даже не посягает на решение этой проблемы. Попытки сделать брак вариативным ведут к разрушению перезрелого буржуазного общества, здоровая социальная критика в нем подавляется силами «прогрессивной» реакции, а социальное, физическое и моральное саморазрушение навязывается новым поколениям как идеал свободы.

Во-вторых, сущность всех политико-антропологических направлений – не общность, а *различие*. Сначала выделяются проблемы пола как особые общественные проблемы, они противопоставляются другим общественным проблемам. Общая социальная повестка в них не играет существенной роли. Тем самым разрушается единство протестного движения, оно дробится, социальная повестка фрагментируется. Старые объединяющие лозунги протестного движения предыдущей, «Модерновой», эпохи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Когда народ един – он непобедим!», отбрасываются за ненадобностью. Нет, дескать, никакого «единого народа» и не может быть никакого единого пролетариата. Есть мужчины, женщины, сексуальные меньшинства. Враг каждого из них – в самом «народе», внутри самого пролетариата: это носители патриархальных, матриархальных или гомофобских/гомосексуальных настроений и традиций. Бороться следует именно с ними, а не с общественными условиями, которые их порождают.

Патриархат, матриархат, гомофобия и «сексуальные меньшинства» изображаются их противниками вполне по логике конспирологических схем, в качестве результатов чьей-то политической воли, а не как общественные явления, имеющие свои исторические предпосылки.

Хотя, справедливости ради надо признать, что социальная повестка может декларироваться левым феминизмом. Этот «умный» феминизм осознает себя частью общей социальной повестки и не противопоставляет себя ей. Но тогда возникают неудобные вопросы: чем такой феминизм отличается от социализма? Какой в этом случае смысл противопоставления «женского» движения «мужскому»? Причина дискриминации женщин лежит вне сферы взаимоотношений полов, она находится в социально-экономической сфере, именно там должен быть обнаружен предмет критики. Логичнее поэтому ставить вопрос о человеческой эмансипации как таковой, а не об эмансипации отдельно взятого пола. Против *частной* эмансипации (в лице еврейства) в пользу эмансипации *всеобщей* выступал Маркс. Его можно было бы перефразировать [Маркс : 413]: «*общественная эмансипация мужчины и женщины есть эмансипация общества от мужчины и женщины*» как обособленных идентичностей, то есть, от *феминизма* и *маскулизма* (равно как от *гомофобии* и *ЛГБТ*). Такова точка зрения социализма и в этом заключается пункт расхождения социализма и вышеупомянутых политико-антропологических направлений. Встречаемое в литературе выражение «марксистский/социалистический феминизм» [Mojab S.], таким образом, внутренне противоречиво.

С дискриминацией полов в экономической и политической сфере более или менее ясно: это сфера правового регулирования и классическая тема политического и правового протестного движения. Связь между дискриминацией полов в экономической/политической сферах и общественным строем давно уже раскрыта в марксистской литературе, достаточно назвать имена Ф. Энгельса, А. Бебеля, Р. Люксембург и К.

Цеткин. Невозможно отрицать успехи, достигнутые в борьбе за политическое и правовое равенство полов.

Однако гендерное неравенство воспроизводится на бытовом уровне. Это часто является причиной семейных проблем. При этом остается открытым вопрос: в чем же заключается коренная причина этого, если отбросить конспирологические схемы? Важность этого вопроса подчеркивается тем, что домашняя дискриминация полов остается даже там, где провозглашено преодоление гендерной дискриминации в политической и правовой сферах. Сохранение ее в Советском Союзе породило иллюзию, что подобный вид дискриминации никак не зависит от экономических и правовых условий. Но это – именно иллюзия.

В чем же состоят эти условия?

На первый взгляд, ничто так не разрушает семейные отношения (а вместе с ним и равенство полов в семье), как бытовой перфекционизм одних и творческий перфекционизм других (дети тоже имеются в виду, ибо они так же могут быть источником бытовых требований).

Однако это связано в первую очередь с тем, что семейное разделение домашнего труда (которое может и должно быть договорным) во многом зависит от общественного разделения труда, которое определяется отнюдь не любовной договоренностью между отдельно взятыми индивидами, а господствующей технологией (в современном мире – индустриальной и информационной), от отношений собственности, от классовых и групповых отношений, от доступности и объемов богатства и т.п. Словом, от социально-исторических и социально-экономических факторов. Создайте человеку условия, когда он сам будет распоряжаться своим свободным и рабочим временем, дайте ему для этого необходимые ресурсы (домашние роботы тоже не помешают, и они уже сейчас есть почти у каждого: посудомоечная машина, микроволновка, т.д., но их явно недостаточно и они несовершенны)

– и проблема бытового рабства/неравенства исчезнет сама собой. Исчезнут ли вместе с ней семейные проблемы как таковые? Нет, конечно. Но они будут определяться не внешними (экономическими) факторами, а факторами личными (сходство или не сходство характеров, интересов, привычек и т.д.). Семейные проблемы перекачуют из сферы политэкономии в сферу «чистой» психологии. Ибо свобода человеческих отношений лежит за пределами экономической целесообразности, как заметил К. Маркс.

Переход от матриархата к патриархату связан с тем, что большинство общественно значимых функций оказались закрепленными за мужчинами по той простой причине, что их выполнение более соответствует мужской психофизиологии, нежели женской, «заточенной» природой под деторождение. Переход к классовому обществу, дальнейшее драматическое его развитие, связанное с войнами, сословно-классовыми конфликтами и далекими путешествиями, могли происходить только при условии господства мужчин, не привязанных к домашнему очагу. Разделение труда индустриальной эпохи в этом смысле не изменяет ничего. Возникающие в связи с этим для женщин проблемы (ощущение социальной второстепенности и ненужности) – это не выдуманные, действительные проблемы. В их постановке феминизм *прав*.

Не прав он в попытке утвердить равенство полов как одинаковость их общественных функций в данных условиях, не понимая, что при этом уничтожается женственность и мужественность как таковые. В итоге защита предмета приводит к его уничтожению. Точно так же односторонен и маскулизм, защищая домостроевские порядки. В обоих случаях мы видим, как демагогия о защите прав того или иного гендера приводит к апологии социальной иерархии, определяемой господствующей в обществе формой разделения труда.

Задача равенства полов решается отнюдь не превращением женщин в мужчин (или наоборот), а преодолением соответствующего разделения

труда: посредством роботизации и автоматизации труда шахтеров, строителей и т.п. Одним словом, посредством исключения человека из сферы материального производства вообще и уничтожения («снятия») труда как экономически детерминированной деятельности. Это не фантастика. Технические проблемы человечества решались бы намного быстрее, если бы не проблемы социальные. Роботизация производства стала бы всеобщей, если бы не неолиберальный поворот мировой экономики в 70-80 годы.

В настоящее время наметился (именно наметился и не более того) переход от промышленного разделения труда к информационному. Революционное значение этого перехода трудно переоценить. Потенциал социальных перемен, который заключает в себе информационная эпоха, освещен в книге А. Горца «Нематериальное: знание, стоимость, капитал» [Горц]. К сказанному А. Горцем только добавим, что разделение труда, свойственное информационной технологии, обладает той новацией, что оно *унисексуально*, то есть, выполнение предполагаемых им трудовых функций в наименьшей степени привязано к психофизиологическим особенностям какого-либо пола и, в принципе, может выполняться любым из них одинаково эффективно. Чтобы решать управленческие, научные или художественные задачи благодаря современным технологиям и системам связи уже не требуется ни мужская сила, ни долгая отлучка от семейного очага. В особенности это становится очевидным в условиях «социального государства», когда общество берет на себя, по крайней мере, часть заботы о потомстве. В экономике возникает ситуация взаимной заменяемости полов и свободной смены социальных ролей. Информационная экономика, основанная на производстве технологий, знаний и артефактов, *гендерно индифферентна*.

Такова историческая перспектива равенства полов в выполнении трудовых функций. Уменьшение давления экономических факторов на домашнее разделение труда будет иметь революционное значение и для

семейных отношений: по мере отмирания общественного разделения труда будет отмирать и бытовое рабство. Проблема решается не за счет закрепления за женщинами традиционно мужских трудовых и социальных функций или наоборот, а за счет их свободного, не опосредованного экономической целесообразностью, выбора, за счет уничтожения, а, точнее, снятия, общественного разделения труда и, стало быть, самого труда как экономически необходимой деятельности.

Однако этот процесс намечается в условиях господства прежних общественных форм. Отсюда острота конфликта между вышеперечисленными политико-антропологическими направлениями.

Все они возникли не случайно. Каждое из них по своему отражает переходность нашего времени. В предчувствии намеченного переворота они выдвигают на первый план чисто антропологическую риторику и тематику – и в этом они отражают реальность смены общественных парадигм: действительно, решение экономических проблем обнажает проблемы как раз антропологические (общечеловеческие, надклассовые), отражающие противоречия самой человеческой природы. Это делает актуальными антропологические темы и антропологическую риторику. Ошибаются они в том, что представляют этот процесс *уже* завершенным: дескать, классовые противоречия не существенны, либо отсутствуют, что человечество уже эмансипировалось и, стало быть, все общественные проблемы можно свести к проблемам человеческой природы как таковой. Подобные рассуждения означают прямую апологетику существующих общественных порядков и существенно снижают протестный потенциал этих течений. Другое дело, что они являются «практическими иллюзиями» (К. Маркс), родившимися в реалиях «социального государства» и свойственного ему межклассового компромисса. Однако эти иллюзии можно считать разоблаченными кризисом неолиберальной системы, начавшимся в 2008 году.

Тем не менее, эти политико-антропологические направления/настроения нельзя оценивать однозначно негативно. Одни из них – феминизм и ЛГБТ – сыграли выдающуюся, хотя и служебную, роль, привлекая общественное внимание к проблемам, которые ранее не ставились, другие – маскулизм и *даже* гомофобия – представляя собой вполне оправданную реакцию (пусть выраженную в ложной форме) на ошибки первых. В итоге мы видим общественную полемику по чрезвычайно важной перспективе общественного развития.

Политико-антропологические движения набирают силу после успеха сексуальной революции 1960-х годов, но *вопреки* ее гетеросексуальному пафосу. В 70-х – 80-х годах мир переходит к неолиберальной глобализации, роль Запада изменяется: он становится больше финансовым, чем индустриальным центром, во многом передав эстафету производственного развития другим регионам. Именно в них в настоящее время феминизм и ЛГБТ встречают наибольшее отторжение, а гомофобия и маскулизм – наоборот, поддержку, тогда как на Западе первые, напротив, получают поддержку правительств. Это происходит не случайно: они выгодны неолиберальным властям западных стран, ибо подрывают способность граждан сопротивляться сокращению социальных завоеваний, фрагментизируя единое протестное движение. Кроме того, они способствуют *обессемейниванию* (дефамилизации) рабочего класса, представляя собой, таким образом, модернизированный вариант мальтузианства. Так, после двух волн глобального кризиса 2008-2009 и 2013-2016 годов, прежде лидировавшие в развитии центры капитализма теряют культурное влияние на страны капиталистической периферии. Социальное гниение лидеров всей прежней истории мира имеет свою логику. Политико-антропологические явления играют в этом процессе гниения особую роль.

Список литературы

1. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал. М.: Изд-во Высшей школы экономики. 2010. 208 с.
2. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. С. 382-413.
3. Mojab S. Marxism and feminism. London: Zen Books. 2015. 392 p.
4. Коряковцев А., Любутин К. Диалектика Л. Фейербаха. Екатеринбург: УрО РАН. 2010. 220 с.